

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

цикл «Вероятности»

Андрей Панов

Разящий крест

Вероятности

Андрей Панов

Вероятности. Разящий крест

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Панов А. В.

Вероятности. Разящий крест / А. В. Панов — «ЛитРес: Самиздат», 2016 — (Вероятности)

Цикл «Вероятности». Том 1 «Периметр». Повесть первая. В недалёком будущем в России назревает открытое противостояние религии и атеизма. На этом фоне описывается судьба двух воронежцев, друзей детства, православных христиан. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пограничник	5
Июль 2038 года. Россия	5
Разящий крест	19
Октябрь 2043 года. Россия, Воронеж	19
Сентябрь 2042 года. Россия, Воронеж	20
Сентябрь 2042 года. Россия, Воронеж	23
Октябрь 2042 года. Россия, Воронеж	27
Ноябрь 2042 года. Россия, Воронеж	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пограничник

Июль 2038 года. Россия

Перед завтраком Кирилл Векшин отправился на спортплощадку. Предстоял обычный комплекс упражнений, какой он выполнял уже не первый год. Однако сегодня был необычный день – день июльской Гребной Регаты, где Кирилл должен победить или, в худшем случае, занять второе место. Высоким результатом он докажет, что достоин стать Пограничником. Ведь через неделю Векшину исполнится восемнадцать лет, и в день рождения он надеялся на самый лучший подарок в своей жизни – повестку.

Как известно, в Пограничники брали только Однотипных – молодых людей, на первый взгляд ничем друг от друга не отличавшихся. У них на руках имелось по пять пальцев, а тело и лицо не было покрыто густыми волосами, как, например, у школьного физкультурника, и сзади не висел хвостик, как у отца Михаила Грачёва – одноклассника Кирилла и его главного соперника в Регате. А главное, претенденты в Пограничники должны иметь крепкое здоровье и отличные спортивные показатели. А как же иначе сражаться с дикими Тварями в лесу и охранять Периметр?!

Периметром называли город и окружающую его высокую стену, что удерживала снаружи кровожадных лесных Тварей. Никто никогда их не видел, поскольку горожане не покидали Периметр ни при каких обстоятельствах, однако существование подразделения Пограничников само по себе указывало на свирепый нрав обитателей леса. Каждый подросток мечтал стать одним из Пограничников, хотя и знал, что только Однотипные могут рассчитывать на такое будущее, ведь Тварей, как известно, очень легко дезориентировать, когда вокруг находятся похожие друг на друга объекты. Родители же воспринимали рождение ребёнка-Однотипного как семейное горе, поскольку любой горожанин знал: ставший Пограничником назад не возвращается. Никогда. Ни на день, ни на час. По-крайней мере, из уже двенадцати ушедших не вернулся никто.

А город в детях очень нуждался: смертность была высокая, и рабочих на производствах не хватало. Небольшие фабрики города производили посуду, ткани, одежду и обувь. Сырьё доставлялось извне через специальный шлюз в Периметре, равно как и пища и другие товары, не производящиеся в самом городе. Всё это привозилось из других Периметров, и за доставку отвечали те же Пограничники. Кирилл понимал, что, став одним из них, он никогда не вернётся в город и тем самым сделает свою мать несчастной (отец умер тринадцать лет назад), но запрещал себе думать об этом – тяга увидеть мир вне Периметра и сразиться с Тварями была просто непреодолима.

Сегодняшняя Регата на каноэ против течения от речного шлюза до плотины должна закончиться для Кирилла ещё одной грамотой и дополнительной записью в личном деле претендента в Пограничники. Победить второго претендента, Грачёва, нелегко, но возможно. Хотя в душе получить повестки ко дню рождения надеялись оба.

Хорошенько пропотев, Кирилл принял контрастный душ, быстро проглотил тарелку овсянки, залпом выпил положенный ему, как будущему Пограничнику, свежий апельсиновый сок и, бросив матери «Увидимся на Регате!», выскочил из дома. На улице он обернулся: мать, как обычно, провожала Кирилла, стоя у окна. Он помахал ей, и она в ответ подняла правую руку – без кисти. Мать очень гордилась этой рукой, ей нравилось жить в городе, и такое отличие от Однотипных не могло её радовать.

Кирилл направился к лодочной станции у реки, чтобы не торопясь подготовиться к соревнованию. Жили они с матерью в центре. Впрочем, как и большинство горожан, коих насчитыва-

валось всего несколько тысяч. Город же был рассчитан на большее население, а потому окраинные районы пустовали и постепенно разрушались. Вот и сейчас Кирилл шёл через один из заброшенных районов, в который раз размышляя о тех, кто мог раньше жить в нависавших над ним опустевших кирпичных коробках. Ему повезло, что дед был ещё жив и мог кое-что рассказать о стародавних временах. Вот мать не знала своих дедушек и бабушек, да и сам дед Кирилла говорил, что рос сиротой. И никто из немногих доживших до сего дня стариков не мог припомнить своих родителей. Зато они видели Пограничников! Встречались и говорили с ними каждый день. Пограничники тогда заменяли теперешним старикам и отцов, и матерей. А, может быть, они и были их родителями? К сожалению, теперь об этом никто ничего не знает. Но узнать правду Кирилл надеялся из уст самих Пограничников, когда станет одним из них. Скоро, очень скоро.

Было свежее солнечное утро, слабый ветерок гнал рябь по поверхности реки, а в листве нависающих над водой вязов шумно переговаривались воробьи. На пляже у лодочной станции уже собрались любители утренних солнечных ванн. Никого из спортсменов не было видно, даже тренер ещё не появился. Кирилл взял у лодочника ключ от сарая с каноэ, подтащил к воде свою лодку и, осмотрев её, отправился в раздевалку. Выскочив оттуда в одних плавках, он с разбега кинулся в реку и с удовольствием поплавал минут десять. Затем, растянувшись на уже потеплевшем песке, стал ждать своих соперников.

– Векшин, не спать! – раздался вдруг над ним рык тренера.

Кирилл тут же вскочил и едва не столкнулся лбом с нависающим над ним Василием Петровичем, что широко улыбался, выпучив свой единственный глаз. Не то, чтобы у тренера совсем не было второго глаза. И брови было две, и глазница даже просматривалась, вот только веки были полностью сросшимися. Как рассказывал Василий Петрович, в детстве ему собирались разрезать кожу на закрытом глазу, да не стали, поскольку поняли, что необходимые для моргания мышцы там не сформировались. Так и остался он на всю жизнь одноглазым.

– Что ж ты, Векшин, прохлаждаешься перед заплывом, а? А ну, приведи себя в тонус. Давай пару кружков по пляжу. Бе-гом.

Пока Кирилл бегал, подошли и остальные ребята из школы. Всего одиннадцать человек. Из них Однотипный всего один – Грачёв.

– Здорово, Пограничник, – крикнул Кириллу клыкастый Роман Солонин.

– Ну что, готов быть вторым? – по-дружески усмехнулся Михаил.

– Давай, давай – проходи, – ответил Кирилл. – Ты б спал поменьше, может и пришёл бы первым. А так, только в спину мне и будешь смотреть.

– Ох, какие мы самоуверенные! – Михаил вынес из сарая своё каноэ и кинул на песок. – Посмотрим ещё – кто кого!

– А дед-то твой придёт? – приветственно протягивая перепончатую руку, спросил у Кирилла подошедший Андрей Лотош.

– Не знаю. С утра он себя чувствовал неплохо. Может, мать поможет дойти. Вообще, он хотел посмотреть...

– Так, ребятки, – снова раздался голос Василия Петровича. – Полчаса до старта. Марш в раздевалку.

Через несколько минут у воды выстроились участники соревнований в футболках с номерами, светлых шортах чуть выше колен и кедах.

– Твой номер очень символичен, – бросил Кириллу Михаил. – Вторым уйдёшь – вторым и придёшь.

– Да иди ты! Сам-то поплывёшь под «четвёркой»...

– Как вы могли заметить, – пояснил уловивший тему разговора тренер, – номера вам выданы не в соответствии с вашими заслугами, а по алфавитному расположению фамилий.

Так что все насмешки по этому поводу прекратить и вперёд – на воду. А то на финише вас не дождутся!

И вот начался отсчёт.

– Внимание! Ма-арш!

Крик Василия Петровича ещё звучал в ушах Векшина, а он уже всю работал веслом, постепенно вырываясь вперёд. Справа вдоль кромки воды проносились заросли прибрежных кустов, рогоза и ветвистых вязов, а слева песчаный откос со стеной Периметра на вершине. На половине пути до финиша русло реки круто поворачивало два раза так, что образовало некое подобие латинской буквы «S». Здесь очень важно было не столкнуться с соперниками и в итоге благополучно добраться до финиша. Подходя к первому повороту, Кирилл взглянул вперёд и краем глаза заметил что-то необычное, но не сразу понял, что именно. Мысли его отвлеклись от гонки, и это сказалось на скорости: слева Векшина начал обходить Грачёв. Однако Кирилл, не думая об исходе соревнования, пристальнее взгляделся вперёд. Периметр – вот, что привлекло его внимание. Одна из секций накренилась над обрывом, и в стене образовалась брешь. Небольшая, но, возможно, достаточного размера для проникновения внутрь Тварей из леса. Векшин сразу вспомнил недавнее телеграфное сообщение из соседнего Периметра, как через повреждённую стену в город ворвались Твари, и только объединёнными усилиями милиции и Пограничников удалось их вовремя остановить. Кирилл огляделся: Михаил уже был впереди, за ним – Андрей, справа обходил Роман. Казалось, никто больше не видит повреждения стены. Тут Солонин обернулся и удивлённо взглянул на Векшина. В ответ Кирилл, изобразив на лице боль от мнимого повреждения руки, совсем бросил гребсти. Остальным уже не составило труда его обогнать. Очень быстро гребцы скрылись за поворотом, а Векшин снова взялся за весло и направил каноэ к правому берегу реки.

После нескольких попыток взобраться по песчаному откосу Кириллу всё-таки удалось крепко ухватиться за растущий на вершине куст. Оказавшись наверху, он прислонился к стене и, сидя так, некоторое время переводил дыхание. Затем подошёл к секции стены и попытался её установить в первоначальное положение. Однако силы одного Векшина тут было явно недостаточно.

«И что теперь? – подумал Кирилл. – Плыть к финишу и вызывать милицию? Сам-то я, как вижу, стену не поправлю».

Он в нерешительности глянул вниз на каноэ, потом снова на накренившуюся секцию и поёжился – слишком неприятно было находиться рядом с дырой в Периметре. С другой стороны, всё же очень любопытно хоть на минутку заглянуть в лес, хоть одной ногой ступить на запретную землю. Погода стояла солнечная, совершенно не располагающая к мыслям о каких-либо трагических событиях. Векшин, глубоко вдохнув, осторожно приблизился к проёму и переступил через границу Периметра.

Всё осталось прежним: светило солнце, шелестел листьями дубов и осин ветерок, где-то невдалеке постукивал дятел. Никто не зарычал и не набросился на Кирилла из зарослей кустарника. Векшин немного успокоился, хотя мышцы живота продолжало от волнения сжимать спазмами.

«Что ж, можно и ещё пару шагов пройти, – осмелел Кирилл. – Дыра близко – прыгнуть всегда успею».

Он осмотрелся в поисках подходящей палки и, к великой своей радости, обнаружил торчащий из земли рядом со стеной металлический прут. Вытащить его оказалось делом нетрудным. Длинной прут был не более полуметра, но значительно прибавил Кириллу уверенности. Векшин быстро пересёк пятиметровой ширины просеку, тянущуюся вдоль Периметра, и ступил в лес. Остановился, прислушался, оглянулся назад. Всё было спокойно. Осторожно ступая, Векшин двинулся вперёд.

Не сделав и тридцати шагов, Кирилл услышал голоса. Переговаривались мужчины. Векшин кинулся было к дыре в стене, но понял, что не успеет: голоса раздавались уже слишком близко и со стороны просеки. Кирилл, присев, заполз за старый толстый дуб и осторожно выглянул из-за ствола. На просеке показались двое в военной полевой форме, касках и с автоматами за плечами.

«Пограничники!» – беззвучно воскликнул Кирилл и чуть было не выскочил из своего укрытия, чтобы побежать им навстречу. Но вовремя спохватился: «А вдруг они меня арестуют? Вдруг за то, что я без разрешения пересёк Периметр, мне не пришлют повестку? Грач станет Пограничником, а я – на завод?!»

Тем временем солдаты заметили повреждение стены.

– Центр, пять-ноль-один, – сказал один из них. – У нас проблема. Код четыре-три, сектор один-восемь. Высылайте инженеров и технику. Мы здесь пока осмотримся... Понял. Конец связи.

Пограничник заглянул в дыру и скрылся за стеной.

«Всё! – пронеслось в голове у Кирилла. – Сейчас заметят лодку, начнут искать *меня...*». Сердце стремилось вырваться из груди спортсмена, яростно пульсировали сосуды головы, отчего в глазах несколько помутнело. Векшин был готов тотчас броситься прочь от Периметра. Но тут первый Пограничник выглянул из-за стены и позвал второго к себе: вероятно, он увидел каное. Это был шанс скрыться незамеченным. Как только оба солдата покинули просеку, Кирилл вскочил и кинулся со всех ног вглубь леса, немного забирая вправо, что, по его мнению, могло запутать возможных преследователей.

Решив, что отбежал уже достаточно далеко, Векшин присел у одной из осин отдышаться. Приведя дыхание в порядок, он прислушался. Чужих шагов слышно не было, тишину нарушали только пение лазоревки да постукивание дятла.

«Итак, – начал размышлять Кирилл. – Можно подождать тут пару часов и, вернувшись обратно, перебраться как-нибудь через стену домой. С другой стороны, если Пограничники уже начали поиски, то вполне могут скоро появиться где-то рядом, и убежать уже возможности не будет. А что, если первыми меня обнаружат Твари?!» Кирилл огляделся. Тревога начала нарастать. Идея сидеть на месте становилась всё менее привлекательной.

«Сколько времени прошло? Наверняка гонка уже завершилась, и все заметили моё исчезновение. Начали поиски, сообщили в милицию, а те, естественно, Пограничникам. Им нетрудно будет сложить два да два и понять, что я – в лесу. Что ж получается: мне так и так повестки не видать?!.. – Кирилл со злости хватил прутом по стволу дерева. – Ну и пошли вы все! Буду жить в лесу, пока не поймают. А они ещё за мной побегают! Попотеют ещё!» С этими мыслями Кирилл поднялся, покрепче сжал в руке прут и направился вглубь леса. Надо найти укрытие на ночь и, главное, что-нибудь перекусить: на место чуть отступившего страха пришёл жуткий голод, ведь перевалило за полдень, а энергия от утренней каши уже давно была израсходована.

Шёл он достаточно долго, местность была ровная, и никакого даже небольшого овражка, где можно устроить себе ночлег, не обнаруживалось. Но вот, наконец, впереди посветлело, и вскоре Кирилл очутился на краю просеки, за которой возвышалась двухметровая стена из металлической сетки, натянутой на рамы-секции. По верху стены тянулись несколько рядов колючей проволоки на опорах, загнутых в сторону леса.

«Вот это да! – восторженно воскликнул уставший от нудной ходьбы Кирилл. – Неужели другой Периметр?!» Через сетку он увидел неширокий луг, а за ним – асфальтовую дорогу с рядом тополей по другой её стороне. В просветах между деревьями вдалеке угадывались очертания небольших двухэтажных домиков. «Как же мне туда перелезть? – лихорадочно соображал Векшин. – Никогда себе не прощу, если упущу шанс побывать в другом городе». Он огляделся и заме-

тил справа у просеки метрах в тридцати кучу срубленных крупных сучьев и стволов молодых деревьев.

– Вот оно! – вслух воскликнул Кирилл.

Он разгрёб кучу и выбрал три достаточно длинных и толстых ствола. Затем одним концом упёр каждый ствол в землю рядом друг с другом, а другой опустил под углом на ряды колючей проволоки. Получился своеобразный мост, по которому Кирилл и перебрался на другую сторону стены. Металлический прут и сорванные с футболки номера он предусмотрительно прятал в кустах недалеко от просеки. Оказавшись на лугу чужого Периметра, Векшин снова осмотрел стену, на этот раз критически. «Кто ж такие хлипкие стены ставит?! Тварям ничего не стоит сетку разорвать. Не удивлюсь, если они прорвались именно в этом городе... Вот везенье, так везенье – за столько времени блуждания по лесу не встретить ни одной Твари! А, может, днём они спят?.. Главное, возвращаться надо не по темноте». Кирилл развернулся и твёрдым шагом направился к домикам.

Вскоре он вошёл в город. В отличие от их Периметра окраины здесь заброшены не были: весь мусор убран, на тротуарах и дороге ни пылинки, у каждого дома палисадник с цветами да и на многих окнах висели плоские с разноцветными петуниями и геранью. На улице было пусто, однако Кирилла это не удивило. Сегодня же суббота, и, возможно, все собрались в центре города на каком-то мероприятии. Ему бы тоже не мешало туда добраться: обычно на подобных праздниках дают дополнительные пайки без записи, а Кирилл уже давно мучился голодом и жаждой.

Пройдя несколько кварталов, Векшин оказался на небольшой площади со скамейками и незамысловатым фонтаном. За площадью был разбит сквер с асфальтовыми дорожками и цветниками. У фонтана сидел старичок в очках, читающий текст на каких-то больших листах бумаги. «Надо же! Неужели у них здесь книги такого размера?» – недоумённо подумал Кирилл. Тут за спиной раздался гудок: Векшин, задумавшись о старичке со странной книгой, не заметил, как оказался посреди проезжей части. Он отскочил к тротуару, а мимо проехал необычной формы автомобиль: таких обтекаемых корпусов со сглаженными углами Кирилл у себя в городе никогда не видел. Надо сказать, автомобили были редким явлением на улицах родного Векшину Периметра. На легковых ездили только люди, занимающие высокие должности, остальные же на работу добирались на спецавтобусах.

Тут из соседнего переулка вывернула шумная компания: трое парней, примерно одного возраста с Векшиным, держали в руках яркие разноцветные пакеты и о чём-то громко спорили. Посередине шёл высокий худощавый парень, одетый в чёрные спортивные штаны и такую же чёрную кофту с капюшоном на голове. Справа, бойко жестикулируя, что-то доказывал своим друзьям толстячок в широких синих джинсах с накладными карманами, красной футболке и джинсовом жилете. А слева жевал содержимое пакета их товарищ в светло-серой футболке с длинными рукавами, чёрных джинсах и тёмно-зелёной спортивной кепке на голове. «Я встретил уже четыре человека, и все они Однотипные, – подумал Кирилл. – Интересно было бы с кем-нибудь из них поговорить о местной системе приёма в Пограничники. У нас тоже, конечно, некоторые Однотипные негодны для службы. Вот Лёша Котов, с виду такой же, как мы с Мишкой, хоть завтра в Пограничники. Ан нет, оказывается у него сердце справа, потому и в программу по отбору не попал. Или Машка Беликова: выяснилось, что у неё только одно мозговое полушарие. Может, и у этих наподобие что...».

Тем временем компания расположилась в сквере. Парень в кепке сел на спинку скамейки, поставив ноги на сидение, остальные встали рядом. Векшин уверенным шагом подошёл к ним:

– Привет.

– Здоров.

– Я только сюда переехал, ещё никого не знаю. Меня Кириллом зовут, – он протянул руку, парни ответили рукопожатием и представились. – Вы в здешней школе учитесь? В каком классе?

– Да уж закончили в этом году! – ответил Владимир, тот, что в кепке, и, окинув взглядом рослого мускулистого Векшина, спросил: – А ты чо, спортсмен?

– Да..., – Кирилл чуть было не сказал, что гребец, но вовремя осёкся: вдруг в этом городе нет реки. – Ребят, вы извините, мне не совсем удобно, это же ваш паёк и тому подобное... В общем, не угостите меня... едой? – он ещё не понял, *что* ест компания.

– А у тя чо, денег нет?

– Чего нет?... Нет.

– Нищета? Ну, держи вот – жуй. Чемпион!

В пакете была нарезанная ломтиками жареная картошка, которая показалась голодному Кириллу невероятно вкусной.

– Э, чемпион, – обратился к нему Валерий, толстяк в широких синих штанах и жилете, – хочешь с нами? У нас сегодня пати. Приглашаем... Хавчик халявный, – и подмигнул с улыбкой.

Векшин не знал, куда его пригласили, но согласился, и вся компания двинулась из сквера в сторону видневшихся недалеко многоэтажек.

– А вы уже получили повестки? – поинтересовался Кирилл у новых знакомых.

– Какие, блин, ещё повестки? – не понял Александр, третий парень, в кофте с капюшоном. – В военкомат что ли?

– Ну, вроде того, – ответил Векшин. – От Пограничников.

– В армию?! Э не-е... Что мы, блин, лохи последние?! Мы «косить» будем.

– Косить?

– Ну, «отмажемся», в смысле. Не пойдём, блин, служить, в общем.

– Да у нас весь класс почти «откосил», – поддакнул Валерий. – А ты что ж, годишь желаньем?

– Я – да, – твёрдо сказал Кирилл. – А у вас в школе много таких... как вы?

– Это каких «таких»? – буркнул Владимир.

– Ну, Однотипных?

Компания остановилась. Владимир повернулся к Векшину:

– Каких? Это чего ты сейчас сказал?

– Я не знаю, может у вас как-то по-другому называется, – ответил Кирилл. – У нас людей, выглядящих как вы или я, называют Однотипными...

– Где это, блин, «у вас»? – прищурился Александр. – А ты вообще откуда? Подозрительный какой-то...

Кирилл понял, что придётся «раскрыть карты»:

– Я из того города, за лесом. Из соседнего Периметра.

– Ёкарный бабай! – воскликнул Валерий. – Что, прямо оттуда?!

– Ну, ни хрена ж себе! – опешил Александр.

– Как добрался-то сюда? – спросил Владимир.

– Надо пути знать, – увильнул от прямого ответа Кирилл.

– Вот это да... – не унимался Валерий. – Как у вас там жизнь вообще? А то мы здесь сидим, не знаем ничего...

– Да, блин, – перебил Александр, – у вас много таких как ты? Как ты сказал?..

– Однотипных? – уточнил Векшин. – Не, в нашей параллели двое всего: я да Мишка Грач. А здесь, я погляжу, побольше будет. То-то никто в Пограничники не идёт – дефицит мест, наверное.

– Ну, типа того, – ответил Владимир. – Вояк у нас хватает. Ладно, пошли – Пашка ждёт не дожётся.

– Зато мы *такого* гостя ему приведём! – радовался Валерий. – Он рухнет просто!
– Вот интересно, – снова обратился к Кириллу Владимир, – что у вас о нашем городе говорят?

– О соседних городах вообще информации мало. Карт у нас нет, и о каждом конкретном городе мы не знаем почти ничего. Я даже не представляю, какой номер вашего Периметра... Это не у вас недавно Твари прорвались? А то Периметр ваш хлипкий – сетка какая-то... Беспечно живёте!

Александр чуть не прыснул со смеха, но смог сдержаться.

– Ну, ты даёшь! – Валерий был в восторге. – Про каких тварей говоришь? Мы о них и не слышали никогда. А сетка – это..., – тут Владимир ткнул товарища локтем в бок, и Валерий замолчал.

– Твари в лесу живут, – пояснил Векшин. – Для защиты от них и построили Периметры. Разве вам на уроках не рассказывали?!

– Мы, наверное, прогуляли, – отрезал Владимир. – А сам-то ты их видел? Тварей этих?

– Конечно, – соврал Кирилл. – Сегодня только одну забил в лесу пока сюда шёл.

– Во, блин! – не удержался Александр. – С дуба рухнул? Какие на хрен твари? Ты чо, из сказки?!

– Ты о чём? – не понял Векшин.

– О тебе, блин! Обкурился что ли?

– Заткнись, – рыкнул Владимир.

– Да иди ты! У человека, блин, «крыша» уехала, а ты – «заткнись». Их там забором огородили и держат за идиотов, тварями какими-то пугают, блин... Ты думаешь, ты где сейчас? – снова обратился к Кириллу Александр.

– Я уже сказал, что номера вашего Периметра не знаю.

– Да нет у нас периметра, – подключился Валерий. – И монстров твоих не бывает. В лесу вообще кроме армейцев нет никого. Ходят и вас стерегут, чтобы не убежали!

– То есть как? – не поверил Кирилл.

– То есть так. Лапшу с ушей сними.

– А, может, это *вы* тут ни хрена не знаете?! – вспыхнул Векшин. – Там вокруг люди гибнут, вас защищают, а вы в облаках витаєте! Картошку эту жрёте в цветных пакетах! Об экономии ничего не слышали?

Валерий всплеснул руками:

– Да пойми ты, придурок...

– Ладно вам, разговорились! – оборвал Владимир и объявил: – В магазин надо пойти. Сколько у нас?

Все трое достали какие-то бумажки и металлические кружочки, напоминающие значки или медали, посчитали.

– Блин, не хватает, – подытожил Александр.

– О, Валер, вон твоя маман «чешет», – заметил Владимир. – Иди денжат «стрельни».

Толстяк пошёл навстречу матери.

– Привет, мам. Дай пять копеек на газировку.

– Вы куда это собрались? – доставая из сумки кошелёк, спросила мать.

– Да к Пашке. У нас там как бы встреча выпускников сегодня...

– А кто это с вами? Что-то я его на выпускном не видела. Он из вашей школы?

Валерий оглянулся на стоящих поодаль товарищей и Кирилла:

– Нет, он не местный. Только сейчас с ним познакомились... Это гвоздь нашей вечерней программы! Ты не поверишь! Он *оттуда*. Из-за леса.

– Как? – опешила мать. – А откуда он здесь взялся?

– Да хрен его знает! Я тебе вечером всё расскажу, – Валерий сунул деньги в карман и побежал обратно.

Вскоре компания остановилась у магазина. Владимир собрал деньги и зашёл внутрь, остальные же остались у входа. Тут послышался шум мотора и из-за угла вывернул автомобиль со странной надписью «Полиция» на боку. Уже выходящий с бутылками из магазина Владимир резко остановился и снова скрылся за дверью.

– Ёкарный бабай! – воскликнул Валерий. – Точняк мамашка ментов вызвала!

– Блин, пацан, это за тобой, – тихо сказал Кириллу Александр. – «Чеши» отсюда, а то капец тебе.

Тем временем из машины вышли двое в чёрной форме:

– Кто тут местный – в сторону давайте. Ты, в шортах, иди сюда.

Кирилл огляделся по сторонам. Один из полицейских, почуяв готовность подозреваемого бежать, расстегнул кобуру и взялся за рукоятку пистолета.

Кирилл рванулся с места, развивая необычайную, как ему показалось, скорость, и оставляя позади крики, хлопок автомобильной дверцы и рёв мотора. Быстро за угол, во двор, в арку, направо, опять за угол, через кусты, дорогу, и вот уже квартал двухэтажных домиков с фонтаном у сквера. Быстрее, ещё быстрее. Они не должны догнать. Сердце вырывалось из груди, но дыхание не сбивалось. Шоссе, поле, недалеко сетчатый Периметр. Где-то за спиной Векшин услышал шум приближающегося автомобиля. Десяток метров отделял его от Периметра. Несколько шагов, – и Кирилл вскочил на стену. Следующим прыжком перемахнул через колючую проволоку и – в лес. Преследователи остались позади.

Пробежав метров сто вглубь ольховника, Кирилл рухнул в траву и некоторое время переводил дыхание. Придя в себя, прислонился к стволу дерева и принялся размышлять.

«Вернуться назад за прутом? Пока его искать буду, меня и схватят – их милиционеры наверняка своим Пограничникам сообщили. Нет, обратно нельзя. В лес надо уходить, к своему Периметру, домой».

Кирилл встал и, отмахиваясь от комаров и мошек, зашагал в ту сторону, откуда, по его мнению, он и пришёл утром.

«Надо бы палку какую что ли найти покрепче: скоро уж темнеть начнёт, а здесь, в лесу, тем более. Твари повыползут из нор. Если они всё-таки существуют. Пока ведь я ни одной не встретил... Ну, погоди: до ночи прошляешься – встретишь».

Он огляделся, подобрал несколько сучьев, выбрал покрепче и продолжил путь. Догадываясь, что стену за прошедшие часы отремонтировали, и помня о её четырёхметровой высоте, Кирилл по пути отыскал старый ствол осины около семи метров длиной и теперь тащил его за собой, надеясь перелезть с его помощью через Периметр. «Даже если вдоль стены будет ходить патруль, – размышлял Векшин, – думаю, хоть пять-десять минут у меня свободных будет, чтобы остаться незамеченным».

Уже смеркалось, когда Кирилл подошёл к просеке. Несколько минут он сидел, скрывшись в кустах, и наблюдал. Пограничники не появлялись. Наконец, Векшину надоело ждать, и он принялся за дело: как и в прошлый раз, приложил бревно к стене под максимально большим углом, повис на нём, уцепившись руками и ногами, и медленно пополз вверх. Преодолеть эти несколько метров Кириллу удалось с большим трудом – целый день без еды и питья не прошёл даром. Вскарabкавшись на стену, Векшин оттолкнул уже не нужный ствол и спустился на песчаный склон у реки.

«Наконец-то дома!» – с облегчением выдохнул Кирилл. Враждебный лес и чужой город остались там, снаружи, а здесь только спокойствие, безопасность и уют. За плотиной уже садилось красное вечернее солнце, река убаюкивала негромким журчанием, кругом не было ни души. Векшин сидел с закрытыми глазами, подперев спиной стену и подставив лицо такому домашнему теплу заходящего светила.

«Вот все обо мне и забыли, – усмехнулся Кирилл. – Надо бы лодку найти и – домой». Он прошёлся вдоль обрыва и, отыскав более пологий склон, спустился к реке. Векшин уже понял, что находится чуть ниже по течению от того места, где оставил каноэ, а потому отправился по узкой линии песка на запад. Вскоре он увидел две вытащенные на берег лодки, а рядом с ними чью-то удобно устроившуюся на песке фигуру. Приблизившись, Кирилл узнал Романа Солонина, который сидел к нему спиной и любовался закатом. Векшин осторожно, стараясь не загрести песок кедрами, подкрался к приятелю и сжал его правое плечо ладонью. Роман от неожиданности отпрянул, поскользнулся на песке и, упав на бок, оскалил клыки на испуганном лице.

– Твою мать, Векшин! – под смех Кирилла вскричал узнавший его Роман. – Вот какого так подкрадываться?!

Кирилл помог подняться приятелю, и они обнялись.

– Мы думали, ты пропал совсем, – сообщил Солонин. – Ушёл в лес и больше не вернёшься.

– Ты не представляешь, где я был! За лесом – другой Периметр. Там живут одни Однотипные и даже не все обязаны служить! Мы о таком и подумать не могли.

Кирилл от возбуждения ходил взад вперёд и размахивал руками.

– А главное, они совсем, представляешь, абсолютно не боятся Тварей. И даже утверждают, что их нет. У них и Периметр-то из хлипкой металлической сетки. Тварей нет, как тебе это?!

Роман кисло улыбнулся:

– Зачем же тогда весь сыр-бор с Пограничниками? Может их тоже того, нет?

– В том-то и дело, что *их* я видел: всё как положено, можешь не сомневаться, каски, автоматы. А вот Тварей не встречал. Ни следа, ни запаха, воя даже ни разу не слышал. Может, повезло просто...

– Повезло. Иначе Пограничники к чему?

– Вот вопрос так вопрос! *Там* мне на него ответили, но, думаю, они заблуждаются... И пока тебе, извини, ничего не скажу. Мне надо прежде с директором поговорить, задать ему пару вопросов. Не может же и он не в курсе быть... Давай в лодку и поплыли.

Оказавшись на другом берегу, приятели взвалили каноэ на плечи и отправились в обратный путь на лодочную станцию.

Там их ожидали друзья, родственники и множество официальных лиц. Завидев приятелей издалека, к ним бросились несколько милиционеров и медиков. За ними спешили мать Кирилла и его одноклассники. Векшин и Солонин едва успели опустить лодки на траву, как встречающие налетели на них шумной толпой.

– Сыночек! – кинулась обниматься мать. – Кирюша! Живой. Как мы все беспокоились! Даже дед здесь до самого вечера просидел... Уж не знали, что и думать.

– Мам, да всё в порядке, – оборвал её причитания Кирилл. – Я совершенно здоров, только жрать хочу и воды бы целое ведро выпил.

– А это ещё мы посмотрим, здоровы ли вы, молодой человек, – подал голос один из медиков.

Когда тот протиснулся через толпу, Векшин узнал в нём терапевта Андрея Николаевича, на приём к которому ежемесячно ходили все претенденты в Пограничники. Высокий упитанный врач с густыми усами осторожно, но настойчиво оттеснил мать от Кирилла.

– Покажите-ка мне глаза..., язык. Ага, хорошо. Вы целый день провели в лесу, молодой человек, так ведь? Отлично. А вы понимаете, что могли заразиться? Все, кто впервые выходят в лес, проходят специальную вакцинацию. А вы, как я понимаю, этого не делали. Безответственно поступили, молодой человек. Безответственно! Теперь – в карантин. И, по мень-

шей мере, на несколько дней. Отойдите все, – обернулся к собравшимся Андрей Николаевич и натянул на лицо марлевую повязку.

Санитары последовали его примеру, а три милиционера стали оттеснять людей в стороны, создавая проход, по которому медики повели Кирилла к машине «скорой помощи».

– Я к тебе завтра зайду, Кирюха! – выкрикнул из толпы Михаил. – Не дрейфь!

– А меня вы осматривать не будете? – догнал терапевта Роман. – Может, я тоже уже заразился?

– И до вас дойдёт дело, молодой человек. Но не сейчас. Позже. Ждите, – Андрей Николаевич похлопал Солонина по плечу и, сев в кабину микроавтобуса, захлопнул дверцу.

Палату Кириллу выделили одноместную. Прохладный душ, свежее бельё, горячий ужин. Что ещё нужно после изматывающего путешествия?! Сбор анализов решили отложить на утро. А сейчас Кирилл лежал на удобной мягкой кровати и читал «Мёртвые души» Гоголя – свою любимую книгу, неизменно поднимающую ему настроение.

В одиннадцатом часу дверь открылась, а в палату вошли двое в накинутых на плечи белых халатах и с марлевыми повязками на лицах. Директора школы, маленького сухенького мужчину за пятьдесят, совершенно лысого, без бровей и ресниц, Кирилл узнал сразу. Второй посетитель с коротко стриженными белоснежными волосами, беспигментными пятнами на коже и солнцезащитными очками на носу был одет в милицейскую форму. Он остался стоять у двери, а директор придвинул к кровати стул и сел.

– Здравствуй, Кирилл. Мне передали, что ты хотел со мной, так сказать, побеседовать. Верно?

– Да, Валентин Ефимович. Вы, как куратор пограничной программы нашей школы, должны знать ответы на вопросы, что я хочу задать.

Директор оглянулся на своего спутника и сказал:

– Я и товарищ майор успели поговорить с Ромой Солониным, так что уже в общих чертах осведомлены о твоих, так сказать, похождениях. Поэтому ты не стесняйся и спрашивай. А мы с товарищем майором по мере сил, так сказать, попытаемся тебе ответить.

– Твари существуют? – выпалил Кирилл.

– А как же?! То, что ты ни одной не встретил, можешь считать, так сказать, величайшей удачей всей твоей жизни. Иначе ты бы тут не сидел сейчас.

– А город, где я был. Кто в нём живёт? Я имею в виду... Я же только Однотипных видел. Там есть другие?

Валентин Ефимович расплылся в улыбке, что стало заметно по его прищурившимся глазам.

– Ну, естественно, других там нет. Это же город... Пограничников, – директор снова оглянулся на майора.

– Как Пограничников?! Я думал, они на военной базе в лесу живут, а там обычные дома, школы.

– Ну, подумай, Кирилл. Пограничники же тоже женятся, у них дети рождаются, в школу, так сказать, ходят. Они обычные люди, Кирилл. Как ты, как... я, так сказать.

– И у них женщины и дети так вот свободно гуляют по городу, когда Периметр сделан из металлической сетки?! А Твари как же?

– Хех, – усмехнулся Валентин Ефимович. – У Пограничников есть, так сказать, более современные способы защиты от Тварей, чем у нас. У них по всему Периметру такая техника расставлена, что тебе и не снилась вовсе. Системы и наблюдения, и предупреждения, и даже автоматические оборонные комплексы. При всём при этом Пограничникам просто не требуются крепкие и высокие стены.

– Что-то не видел я ваши хваленые системы и комплексы.

– И правильно, что не видел. Они ж не для того сделаны, чтоб все, кому не лень, их замечали. Вот станешь Пограничником и обо всём узнаешь, так сказать, в полном объёме.

Валентин Ефимович встал, отодвинул стул и приблизился к милиционеру.

– Кстати, обрадую тебя, Кирилл. Сегодня мы получили повестки для вас с Михаилом. Так что готовься, так сказать, в путь-дорогу. К месту прохождения службы отбываете завтра утром.

– Как? – возмутился Кирилл. – Почему завтра? День рождения же только через неделю! А финальное обследование? А неделя на сборы?!

– Обследуют тебя на месте, – спокойным тоном размеренно ответил Валентин Ефимович. – Вещи мать соберёт и завтра утром принесёт к Шлюзу. А почему так рано...

– Вчера в лесу на севере от города проводилась операция по уничтожению логова Тварей, – вступил в разговор майор. – Пограничники понесли значительные потери. Срочно требуется пополнение.

Кирилл непроизвольно напрягся и почувствовал, будто каждая клеточка его тела вспыхнула жарким пламенем. Сердце взбесилось, вспотели ладони. Векшин спустил ноги с кровати и надел тапки. Встав, решительно посмотрел на директора. Со лба мимо левого виска сбежала капля пота.

– Валентин Ефимович, я хотел бы официально отказаться от участия в пограничной программе. Прошу оставить меня дома.

– Это как же?! – всплеснул руками директор. – Отчего же?

– Они нас обманывают. Вы знаете, что мне там сказали? Что Периметр наш не от Тварей поставлен, а чтобы нас как в клетке держать. И Пограничники ходят для того, чтобы никто отсюда туда не проскочил. И вы думаете, я после этого хочу жить с ними вместе?! Да ни за что!

– Да наврали тебе, Кирилл, наврали! Поверь мне. Ну, кто это тебе сказал?

– Ребята из местной школы...

– Вот! – обрадовался Валентин Ефимович. – А ты поверил? Нашли дурака лопухого и наврали, так сказать, с три короба! Э-эх, Кирилл, Кирилл... Молокососам каким-то поверил, шуткам их детсадовским, так сказать. Ну как же можно?! Свою-то голову на плечах надо иметь, взрослый уже.

Беловласый майор сделал шаг к Кириллу.

– Советую хорошенько подумать, Кирилл Евгеньевич. Ты необходим городу в рядах доблестных Пограничников как защитник. Отказавшись, ты навсегда покроешь своё имя позором. Помни, что родившись Однотипными, люди берут на себя определённые обязательства перед обществом, которые следует исполнять. Нельзя отказываться от своей судьбы.

– Хорошо, я подумаю, – сник Кирилл.

– Ну вот и славно! – успокоился директор. – Отдыхай, а мы с товарищем майором завтра утром за тобой придём.

Милиционер вышел первым, а директор в дверях обернулся:

– И давай, Кирилл, без фокусов, так сказать.

Этой ночью Векшин долго ворочался и никак не мог уснуть. А когда, наконец, забылся, увидел необычный сон, будто с автоматом за плечом патрулировал лес. Воздух был тяжёлый, вязкий и тягучий словно желе. Сквозь него приходилось с усилиями продирааться. Рядом в форме Пограничников шагали трое парней, с которыми Кирилл познакомился днём. Компания углублялась всё дальше в лес, и Векшин поинтересовался у своих спутников: «Куда мы идём?» «К Паше», – улыбнулся Александр. Вскоре они оказались в такой чаще, что дальше двигаться было просто невозможно. Владимир в своей тёмно-зелёной спортивной кепке вместо каски удобно устроился на траве и, вытащив из ранца большие листы бумаги с текстом, принялся читать. «Что это у тебя?» – спросил Кирилл. «Как что?! – удивился Владимир. – Повестка пришла». «А почему ты сидишь? Мы дальше не пойдём?» «Нет, – ответил Александр, ната-

чивая непонятно откуда взявшуюся косу. – Косить будем». Векшин, удовлетворившись таким ответом, пристально всмотрелся в непроходимые заросли орешника, а когда снова обернулся к своим спутникам, вместо тех увидел на полянке трёх крупных гиеноподобных существ с руками вместо передних конечностей. «Лапшу с ушей сними!» – прорычала толстая гиена и расхохоталась. Не успел Кирилл опомниться, как чудовища накинулись на него и повалили на землю. Он пытался отбиваться, но успеха не достиг и вскоре погрузился во тьму.

Наутро Векшин проснулся в твёрдой решимости не отказываться от службы. Нельзя остаться в городе и прожить всю жизнь, не ведая, что же на самом деле творится во внешнем мире. Кирилл понял, что должен разобраться в хитросплетениях правды, лжи и недомолвок, которые он слышал последние сутки. А потому принял холодный душ, позавтракал и собрался ещё до прихода Валентина Ефимовича. Когда тот вошёл, то застал Векшина смотрящим в окно на рассеивающийся утренний туман.

– Доброго утречка! Ну, как спалось, Кирилл? Что надумал?

Векшин обернулся и поздоровался.

– Самочувствие нормальное. Готов к службе.

– Вот и чудненько! – обрадовался директор. – Я вот тебе, так сказать, чемодан принёс, что твоя мать собрала. Посмотри – может, чего не хватает...

– Не стоит. Думаю, мама положила всё и даже больше.

– Тогда пойдём: внизу машина ждёт.

– А Мишка где?

– В машине. Пойдём.

Через пять минут автомобиль директора остановился у площади перед Шлюзом – единственным выходом из города за Периметр. На площади к тому времени уже собрались родственники призывников, учителя, одноклассники и друзья. На сооружённой за ночь сцене у памятника Герою-Пограничнику виновников торжества ожидали главные люди города: мэр с многочисленными помощниками, начальник милиции и вчерашний майор в солнцезащитных очках. Как только дверцы автомобиля открылись, духовой оркестр грянул «Прощание славянки». Михаил, Кирилл и Валентин Ефимович под звуки марша поднялись на сцену. Первым выступал мэр. Он долго и пространно рассуждал о чести и предназначении будущих Пограничников, а после вместе с повестками вручил каждому многофункциональный нож с дарственной надписью. Затем слово взял начальник милиции, чья речь о мужестве, героизме и подвигах была короткой, но содержательной. Последним к микрофону подошёл директор школы и, признавшись в гордости за свои успехи в обучении и воспитании таких превосходных Пограничников, как Векшин и Грачёв, уступил место призывникам. Выйдя вперёд, Михаил выпрямился, глубоко вдохнул и начал:

– Товарищи! Друзья! Я счастлив, что скоро вольюсь в ряды мужественных Пограничников. Счастлив, что оказался достоин стать защитником своей Родины, нашего города. Сегодня мы с Кириллом покидаем вас навсегда. Это страшно произносить и ещё страшнее осознавать. Но клянусь, что до последнего будем бороться с врагом и не отступим ни на шаг! – он на секунду замолчал, а затем, потрясая над головой кулаком, продекламировал:

– Не смять богатырскую силу,

Могуч наш заслон огневой,

И враг наш отыщет могилу,

В туманных лесах над рекой!¹

Слава Пограничникам! Ура!

---

¹ Алексей Сурков «Марш защитников Москвы».

В ответ над площадью громыхнуло многоголосое «Ура!» Михаил с гордой улыбкой вернулся на своё место. Проходя мимо Кирилла, бросил: «Ну, как я?!» Тот хлопнул приятеля по плечу и подошёл к микрофону.

Векшин смотрел на людей, собравшихся проводить их с Михаилом на службу, и понимал, что, возможно, видит всех в последний раз. В горле комом встала обида.

– Не забывайте нас, – наконец произнёс Кирилл. – Когда-нибудь мы обязательно вернёмся и принесём вам свободу! До встречи, друзья.

Снова зазвучал марш, а Валентин Ефимович обнял своих учеников и сказал:

– Молодцы, ребятки! Хорошо выступили. Идите, попрощайтесь с родными.

Спустившись со сцены, призывники оказались в настоящем водовороте: все стремились пожать им руки и сказать напутственные слова. Наконец, к Кириллу протиснулась мать и крепко обняла его.

– Служи там хорошо, сыночек. Не позорь родных... Нас вспоминай.

Заметив, что сын увидел рыдания матери Грачёва, она, оправдываясь, проговорила:

– А я не плачу, Кирюшенька. Не плачу. Вчера уж всё выплакала...

– Всё будет хорошо, мама, – успокоил Кирилл. – Когда-то же должна закончиться эта война. Надеюсь, очень скоро. Мы победим, и я вернусь, мама. Жди. Обязательно вернусь... А дед где?

– Там, – махнула рукой в сторону мать. – Он в самую толкучку не полез.

– Я сейчас..., – Кирилл выбрался из толпы и, увидев неподалёку опирающегося на костыль деда, подбежал к нему.

– Вот я и ухожу... До свидания, дедушка.

– Врежь им там всем по первое число, внучёк, – старик обнял Кирилла и с силой похлопал его ладонью по спине. – За нас за всех...

– Обязательно, дед, обязательно, – на глаза навернулись слёзы.

– Товарищи призывники, – прокатилось над площадью. – Время.

– Всё. Пойду, – сказал Кирилл и побежал к Шлюзу.

Над воротами горела красная лампа. Караульный нажал кнопку, укрытую в металлический короб сбоку от входа, и створки стали медленно открываться. Оркестр продолжал играть.

– Вы там держитесь вместе, – напутствовала мать Кирилла.

– Присматривайте друг за другом, – вторила ей мать Михаила.

Когда ворота открылись полностью, лампа поменяла цвет на зелёный.

– Пора, ребята, – поторопил начальник городской милиции. – Удачи вам.

Призывники сделали несколько шагов внутрь Шлюза и повернулись к провожающим. Створки начали сдвигаться, и в течение этой невыносимо длинной минуты все, не переставая, махали друг другу на прощание. По щекам Кирилла текли слёзы. Слёзы, вызванные не только горечью расставания, но и бессилием что-либо изменить. Наконец, ворота с грохотом закрылись. Стихла музыка. Кирилл вытер слёзы рукавом и огляделся. Приятели стояли в большом хорошо освещённом ангаре с двумя воротами в противоположных стенах. Ангар обычно использовался для обмена грузами между Периметрами, и Векшин с Грачёвым не раз участвовали в разгрузке автомобилей с местных фабрик и погрузке ящиков, прибывших извне. Сейчас в помещении было пусто, и призывники двинулись ко вторым, внешним, воротам.

– Что, Кириллушка, не весел? Что головушку повесил? – почти по-ершовски спросил Михаил, посмотрев на погрузившего Кирилла.

– Тоже мне шутник нашёлся, – пробурчал тот в ответ. – Всё тебе весело! Навсегда ж уезжаем. А там... Чёрт его знает, что там...

– Там – приключения! И это главное. Не то, что здешняя скукотища.

– И война, между прочим.

– Так на то мы и вдвоём, Кирюха. Будем держаться вместе, и великие дела нам обеспечены! Мы ведь вместе?

Михаил остановился и протянул другу руку. Кирилл крепко сжал её, и парни обнялись.

– Вместе, Миха, – ответил Векшин.

Раздался скрип раздвигающихся створок ворот, и приятели поспешили к выходу. Снаружи они увидели большую заасфальтированную площадку и уходящую от неё вглубь леса асфальтовую дорогу. Неподалёку от Шлюза стоял зелёный армейский автомобиль, а у ворот ожидал Пограничник. Капитан, как понял по звёздочкам на погонах Кирилл.

– Грачёв и Векшин? Капитан Фролов, – представился офицер. – Садитесь в машину.

Автомобиль приветливо зарычал. Михаил и Кирилл устроились на заднем сидении, а капитан сел вперёд.

– Вы, ребята, вытянули счастливый билет, – сказал он, захлопывая дверцу. – Теперь у вас впереди настоящая жизнь.

– С людьми... а не с уродами... – добавил водитель и надавил на газ.

Апрель 2012 г.

Разящий крест

Октябрь 2043 года. Россия, Воронеж

С некоторых пор Савве Васильеву было неуютно на общекурсовых лекциях. Когда он подходил к аудитории, однокурсники презрительно косились в его сторону, и кто-нибудь, бывало, цедил сквозь зубы «Отступник!» или «Сатанист!»

Но так было не всегда.

Сентябрь 2042 года. Россия, Воронеж

Савва провёл детство в самом густонаселённом районе Воронежа – Северном, где высотки без стеснения налезали друг на друга, а улицы лопались от вечных пробок. Отец, Леонид Владимирович, работал на городском молокозаводе начальником отдела сбыта. Мать, Алиса Михайловна, была бухгалтером в небольшом магазине. Семья Саввы, как и большинство обычных семей, регулярно посещала церковь и считалась православной. Леонид Владимирович крестил сына, когда тому не было ещё и года, а в дальнейшем воспитывал, как настоящего христианина.

В школе худощавый белобрысый Савва был прилежным учеником, не грубил, не спорил с учителями, старался не конфликтовать с одноклассниками. Видимо, поэтому он сдружился с чересчур активным черноволосям крепышом Андреем Коржаковым, который не мог минуты просидеть без дела, постоянно искал приключений и непременно брал с собой Савву. Сегодня он мог утащить друга в готовящийся к сносу дом искать тайники с сокровищами, а завтра увезти на левый берег воронежского водохранилища, чтобы вскарабкаться на маяк. Однажды одноклассники целый день провели в лесу за городом, безуспешно разыскивая тайную избушку сатанистов, где, по рассказам старших товарищей, часто приносились в жертву кошки и собаки.

Андрей также вырос в православной семье и с каждым годом становился всё более ревностным последователем христианства. В первый день учёбы десятого класса Коржаков пришёл с большим серебряным крестом на груди. Летние каникулы Андрей провёл в православно-патриотическом лагере, друзья не виделись почти три месяца, и Савве не очень пришлись по душе резкие перемены в поведении товарища. Тот стал совершенно нетерпимым к неправославным, называл их всех без разбору сатанистами и вредными для общества элементами. Класс Саввы был практически полностью христианским за исключением невысокого молчаливого Миши Гущина из семьи атеистов. С первых же дней по возвращении из лагеря Андрей начал придирается к Мише без всякого повода, оскорблять, а иногда позволял себе вlepить Гущину подзатыльник или пинок. Когда Гущин попытался сопротивляться, Андрей чуть не вскипел, как чайник, от возмущения, побагровел, вытаращил глаза и, схватив Мишу за грудки, предупредил, что если тот вздумает ещё раз сопротивляться, не оставит от него и мокрого места. Савва стоял неподалёку, наблюдал всю сцену и не узнавал друга. Сам Васильев, разумеется, тоже считал атеистов и им подобных ограниченными и неполноценными, однако отец с детства учил его, что таким людям следует помочь раскрыться, пересмотреть жизненные позиции и прийти к богу с покаянием, но никак не унижать, оскорблять или желать им смерти. Савва попробовал поговорить об этом с другом, но Андрей только с сожалением покачал головой и заметил: «Смотри, Савва. Мягкотелость сейчас не в чести».

Ещё в четвёртом классе, когда им начали преподавать православие, целый урок был посвящён другим религиям и атеизму, где детям кратко рассказали, что представляют собой эти ошибочные верования. И только в десятом классе в курсе православия снова вернулись к этой теме. Каждой религии школьный священник посвятил отдельный урок. Так Савва узнал о теории Дарвина и её несостоятельности. И понял, что атеизм – такая же вера, как и все другие, только тут люди верят не в бога, а в его отсутствие. И что это страшнее для человека, чем даже сатанизм, ведь неверие в существование бога – один из самых больших грехов.

Как-то встретив на улице Мишу, Савва поинтересовался, почему тот избрал своей верой атеизм, а когда Гущин пустился в пространные объяснения о какой-то бритве Оккама, прервал его и воскликнул: «Как же ты можешь вот так вот своими руками душу свою в ад загонять?!»

На это Миша ответил, что души нет, а Савва только развёл руками: «Не понимаю я тебя. Сам себя губишь».

С тех пор Васильева не покидала одна мысль: как человек, отрицая акт творения всего сущего, бессмертную душу и даже самого бога, может верить в какую-то эволюцию? Что такого особенного заключается в этом, что может завладеть разумом, обратить человека против самого себя и бога? И если это некая бесовская одержимость, как от неё избавиться? Можно ли изменить человека, привлечь его на свою сторону, сторону света, бога и веры? На какие такие потайные кнопки следует нажать, какие рычажки секретные подвигать в душе атеиста, чтобы изменить его?

Для получения больших знаний об эволюции и атеизме, чем заключала в себе школьная программа, нужны были книги. Однако подобная литература имелась лишь в библиотеках университетов, и, к тому же, только для студентов некоторых специальностей. В сети же доступ к сайтам с атеистическими или эволюционными материалами был закрыт. Именно поэтому ещё в десятом классе, за полтора года до получения аттестата, Савва твёрдо решил поступать на биологический факультет воронежского Центрально-европейского федерального университета. Каково же было его удивление, когда, рассказав о своём намерении Андрею, услышал в ответ: «Я буду поступать с тобой. Хочу изучением природного разнообразия постичь всю глубину и величие творения господи!»

Центрально-европейский федеральный университет появился в Воронеже почти за десять лет до рождения Саввы. Образовали его на базе Воронежского государственного университета путём слияния с ним некоторых других учебных заведений города. Приоритет ВГУ в новой организации был неоспорим: он являлся старейшим в городе высшим учебным заведением, открытым в 1918 году. В его стенах преподавали такие великие учёные как профессор Борис Михайлович Козо-Полянский, предложивший филогенетическую систему растительного мира, Михаил Семёнович Цвет – создатель хроматографии, академик Николай Нилович Бурденко – организатор здравоохранения в Советском Союзе, основоположник российской нейрохирургии. Одним из выпускников ВГУ был лауреат Нобелевской премии по физике 1958 года Павел Алексеевич Черенков – за открытие и истолкование эффекта Вавилова-Черенкова: свечения заряженной частицы, которая движется в прозрачной среде со скоростью, превышающей скорость света в этой среде.

Когда-то напротив главного входа в университет стоял монумент времён СССР, изображающий земной шар, опоясанный надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Студенты 90-х прозвали его «чупа-чупсом» из-за длинной опоры, к вершине которой крепился шар. В начале 20-х XXI века стелу разрушили, а на пустующее место от Первомайского сквера перенесли более уместный металлический памятник, с давних времён носящий народное имя «ДНК». Сооружение состояло из трёх вертикальных штырей с нанизанными на них шарами различного размера. Вокруг по всей длине закручивалась спиралью лента с лозунгом «Слава советской науке!», а на квадратных щитах у подножия были изображены символы научной деятельности: микроскоп, атом с электронами, химические реторты, диаграммы и обвивающая медицинскую чашу змея.

По иронии судьбы именно тогда в ЦЕФУ появился факультет богословия, и в рекордные сроки была выстроена университетская церковь. Когда Савва и Андрей увидели свои имена в списке поступивших на сайте биофака, то сразу же приехали туда и поставили свечи преподобному Сергию Радонежскому – покровителю учащихся. А на следующий день отстояли благодарственную службу в Благовещенском кафедральном соборе, третьем по величине в России православном храме, построенном в начале 2000-х. Под строительство тогда отдали целый Первомайский сквер, и теперь храм, возвышаясь над оградой с коммунистическими звёздами

и серпом-молотом, словно подавлял их своим величием и возвещал о победе православия в борьбе идеологий.

Конкурс при поступлении на биологический факультет в последние годы традиционно отсутствовал – лишь немногие школьники изъявляли желание обучаться по этой специальности. Отбор проводился, в основном, по анкетным данным: преимущество отдавалось абитуриентам из православных семей. Однако университет был обязан взять и некоторое количество студентов иного вероисповедания в случае, если таковые подавали документы. Потому среди тридцати четырёх учащихся на курсе вместе с Саввой и Андреем оказались два мусульманина и один атеист.

Последний, Данила Гусельников, русоволосый здоровяк с добродушным лицом, сразу пресёк всякие попытки поиздеваться над ним, пригрозив первому осмелившемуся «разбить мурло в кашу». Однако во всех остальных случаях он вёл себя пристойно и уважительно относился к собеседникам, хотя они находились редко: мало ли что на уме у атеиста – сегодня вежливый, а завтра – нож в спину.

Когда курс разделили надвое, Андрей оказался в одной группе с мусульманами, а Савва – с атеистом Данилой. Короткие перемены Гусельников проводил в одиночестве, сидя за партой с наушниками в ушах или стоя у окна на лестничной площадке. Во время больших перемен Данила куда-то исчезал и возвращался только к началу занятия. Никто из группы не общался с ним, и даже за партой он сидел один.

Сентябрь 2042 года. Россия, Воронеж

Первая неделя учёбы прошла спокойно. А вот вторую лекцию по «Основам современной биологии» невысокий седовласый профессор Трофим Сергеевич Нелюбов неожиданно начал со слов:

– Господа студенты, сегодня я расскажу вам о Дарвине, его путешествии на «Бигле» и о рождении теории происхождения видов.

При этих словах у Саввы всё внутри сжалось в крепкий комок: наконец-то у него появилась возможность услышать то, чего жаждал уже давно и нестерпимо. Все полчаса он внимал красочной речи преподавателя как замороженный, словно в реальности ощущая на лице солёные морские брызги и хлёсткие удары ветра побережья Фолклендских островов. Ему явственно представлялись туземцы Огненной земли в меховых накидках, стреляющие из лука в гуанако, скелеты вымерших ленивцев, бережно извлекаемые Дарвином из земли, галапагосские вьюрки с разнообразной формы клювами, порхающие среди тропических деревьев.

После перемены речь пошла о выводах, сделанных исследователем, и о самой теории. Ближе к концу лекции Савва заметил, что сидевший рядом Андрей начал беспокойно ёрзать. Не прошло и пары минут, как Коржаков не выдержал и крикнул:

– Трофим Сергеевич, а почему вы не говорите, что теория в корне ошибочна?

Профессор перевёл взгляд на Андрея:

– А зачем, молодой человек? Вы, как видно, и без меня это знаете, не так ли?.. А теперь, господа студенты, – продолжил Нелюбов, – если больше нет вопросов, предлагаю всем заинтересовавшимся подойти ко мне и получить на свои электронные устройства файл книги Чарльза Дарвина «Происхождение видов».

– Во даёт! – вырвалось у Андрея, но, к счастью, не так громко, чтобы услышал лектор.

– А я возьму, – сказал Савва.

– Зачем тебе эта мура?!

– Врага надо знать в лицо, так ведь?

Коржаков не нашёл, что ответить, а Васильев направился вниз к демонстрационному экрану, где уже рядом с профессором стоял Данила.

Так Савва впервые открыл запретную книгу. Каждый день после занятий он, не дожидаясь Андрея, спешил домой и принимался за чтение. Постепенно Савва узнавал новый для себя мир: мир фактов, научного анализа и логических умозаключений. Прежде не до конца ясные понятия изменчивости, естественного отбора и борьбы за существование обрели теперь объём и глубину. Дарвин последовательно и невероятно обоснованно подводил к мысли, что эволюция – это единственно верное объяснение процессам, приведшим к разнообразию видов живых существ. Он показывал, что индивидуальная изменчивость – основа эволюции, а борьба за существование – неизбежна и не прекращается ни на минуту. Ведь в каждом поколении животных выживают те, кто наилучшим образом приспособлен к условиям, в которых им предстоит существовать. Однако и эти условия непостоянны. Они меняются, а преимущество в борьбе за жизнь получают особи с высокой изменчивостью, т. е. способные приспособиться ко всему спектру изменений среды обитания. Так происходит естественный отбор.

Недели хватило Савве для того, чтобы прочесть книгу полностью. И не только прочесть, а осмыслить и сравнить с тем, что рассказывали в школе. Так у него возникло несколько вопросов, с которыми Васильев и подошёл к Трофиму Сергеевичу после следующей лекции. Договорились встретиться на кафедре профессора после занятий.

– Ну, господин Васильев, – начал Нелюбов, садясь за парту рядом со своим студентом, – о чём вы хотели поговорить со мной?

Собеседники находились в пустой семинарской аудитории, куда профессор привёл Савву подальше от чужих ушей.

– О вашей книге... Ну, то есть не о вашей, а о дарвиновской. О «Происхождении видов».

– Вы прочитали её?

– Да.

– И что думаете по этому поводу?

– Мне трудно это выразить, Трофим Сергеевич. Я... в некоторой растерянности.

– Ну? Не стесняйтесь.

– Об изменчивости и естественном отборе я, в общем-то, всё понял. Но это же говорилось о каких-то предковых формах. А как сейчас? Сотни лет лисы оставались лисами, медведи – медведями, а зайцы – зайцами. Мы не видим изменений. Не видим эволюции. Она остановилась или, может быть, её нет совсем, и Дарвин всё придумал?

– Видите ли, Савва. На примере высших форм жизни трудно наблюдать эволюцию воочию, поскольку у них смена поколений требует длительного времени. Однако мы можем в полной мере изучить эволюционные процессы на примере микроорганизмов, бактерий. Ведь они размножаются очень быстро: некоторые виды – каждые пятнадцать минут. Вот возьмём такой случай. Если мы будем какое-то время постоянно воздействовать на культуру микроорганизмов определённым ядом, то весьма скоро можем получить новую культуру, устойчивую к этому яду. И всё потому, что имел место естественный отбор: менее устойчивые клетки погибли, а более устойчивые выжили и оставили потомство. В строении микроорганизмов произошли определённые изменения, например, клеточная стенка перестала быть проницаемой для молекул яда, отчего он не смог проникнуть внутрь клетки и убить её. Вот вам и изменчивость. Причём заметьте, что подобное вполне можно наблюдать и у многоклеточных организмов, однако для этого понадобится не один год.

– То есть, получается, изменяются все виды, но медленно, так, что мы не замечаем за свою жизнь этих изменений? Если рассуждать по аналогии с воздействием яда на бактерий, то, например, лисы постоянно совершенствуют механизмы ловли зайцев, а зайцы, в свою очередь, механизмы спасения от лис. И выживают лучшие. То есть, лучшие лисы и лучшие зайцы. Но как соблюдается такой баланс, почему лисы не уничтожат всех зайцев до того, как эти зайцы изменятся?

– Природа не может такого допустить, Савва. Реакция происходит мгновенно. В биологическом смысле, разумеется. И применительно к каждому конкретному случаю. Лисы просто не успевают съесть всех зайцев, как появляются те, кого они поймать не могут, и размножаются. А когда их становится много, реагируют уже лисы, потому что им не хватает еды – неизменившихся-то зайцев успели поесть. Это всё, конечно, утрировано и схематично, однако в природе всё именно так и происходит. Вы, господин Васильев, читали «Алису в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла?

Савва кивнул.

– Так вот, то, о чём мы сейчас говорим, называется «принципом Чёрной Королевы» и гласит буквально следующее: «В этом мире нужно бежать изо всех сил только для того, чтобы остаться на месте». Это есть суть борьбы за существование. Чтобы остаться в живых и размножиться, вид должен непрестанно «бежать», то есть изменяться. Приспосабливаться к меняющемуся климату, совершенствовать способы борьбы с паразитами. А те в ответ будут меняться таким образом, чтобы подольше прожить в хозяине. Вечная борьба изменений. Как говорил древнегреческий философ Гераклит, всё течёт, всё изменяется.

– А человек? Он тоже изменяется?

– Естественно.

– А обезьяны? Тоже? Почему же они тогда не превращаются в людей?

– А как вы думаете, Савва, могут ли два писателя независимо друг от друга написать абсолютно одинаковые книги? Слово в слово? Нет? А если они, к тому же живут в разных эпохах, если их разделяют тысячи лет?

– Я думаю, это невозможно, – уверенно ответил Васильев.

– Так и один и тот же вид не может независимо возникнуть дважды. Современные обезьяны – такие же потомки того древнего примата, нашего предка, что и мы с вами. Те условия, в которых наши эволюционные ветви разошлись, уже давно в прошлом. Даже если вдруг когда-нибудь возникнут новые подходящие условия, позволяющие потомкам какого-либо вида развиваться в существ, не менее разумных, чем мы, они будут во многом не похожи на нас. Человек не есть венец эволюции, как многие того хотели бы. Наша цивилизация существует относительно недолго, и кто знает, что придёт ей на смену? Но то, что эта смена произойдёт, я глубоко убеждён.

– А знаете, Трофим Сергеевич, в школе нам говорили, что Дарвин сам был христианином и хоть и отступил от веры ненадолго, но перед смертью признал свою ошибку и отрёкся от теории. Это правда?

– Да, Савва, – признался профессор, – Дарвин был христианином. Однако, обосновав свою теорию, он перестал им быть. Хотя и не только поэтому. Тут ещё смерть его дочери повлияла, другие факторы... Но не будем о частностях. Главное, что он никогда не отрекался от теории. Всё, что вам говорили в школе – вымысел. И распространила этот вымысел некая леди Хоуп – британская проповедница. Она утверждала, что посетила умирающего учёного, и он при ней отрёкся от теории и принял Христа. Однако все последние дни с Дарвином пробыла его дочь, Генриетта, которая подтвердила, что Хоуп ни разу не приезжала к отцу, и что тот едва ли вообще когда-либо с ней встречался. А тем более не отрекался от своей теории, что стоила ему стольких сил, моральных и физических. Это всё зафиксировано в воспоминаниях современников, во многих книгах. Если будете иметь такое желание, я могу дать вам что-нибудь почитать. А ещё посоветовал бы вторую работу Дарвина – «Происхождение человека». Вам будет полезно.

– Спасибо, Трофим Сергеевич. – Савва чуть помедлил: – Скажите, вот Дарвин был первым, кто заметил возможность эволюции, а были ли другие учёные после него? Те, кто продолжал изучение и сбор доказательств. Или все остальные книги по эволюции, что читают атеисты, лишь толкования учения Дарвина?

– Молодой человек, – взмахнул руками профессор, – да вы, оказывается, не имеете ни малейшего представления, что читают и что думают люди, не верующие в бога! За время, прошедшее после выхода книги Дарвина, было проведено невероятное количество исследований. Вы знаете, Савва, что за наука – генетика?

– Немного, – замялся Васильев, опустив глаза. – В школе говорили, что в каждой клетке есть гены, по которым строятся белки, составляющие наше тело. Генетика изучает эти гены, чтобы понять, как формируются живые объекты.

– Мне всё с вами ясно, – хлопнул по столу Трофим Сергеевич. – Обязательно заходите ко мне на следующей неделе – я принесу вам несколько книг из своей библиотеки. Заметьте, бумажных, так что захватите крепкую сумку.

У входа в университет Савва столкнулся с Андреем.

– Савва, я тут тебя жду, – объяснил Коржаков. – Давно домой вместе не ездили. Ты освободился?

– Ага. Пойдём.

Друзья направились к остановке.

– Когда тебе папашка машину-то выделит? – спросил Андрей. – Возил бы меня в универ и обратно.

– Я пока особо и не стремлюсь. В принципе, доверенность он может хоть сейчас сделать. Только что-то рулить в пробках не тянет.

– Ну, ты уж как-нибудь решай побыстрей: я ведь тож страдаю! Девчонок на курсе полно, а мы без машины! Сейчас бы сели, в кафешку какую сгоняли, вот жизнь!

– Ладно, Андрюх, я подумаю, как тебя осчастливить, – подмигнул Савва. – Во – наш едет. Друзья влезли в троллейбус и уселись на заднее кресло.

– Ну что, прочитал «библию» атеистов? – усмехнулся Андрей.

– Дарвина что ли? Прочитал.

– Ну и как?

– Да никак пока. Вроде всё логично: ископаемые там, птички, борьба за существование. Но ведь наша «Библия» совсем другое говорит.

– Вот-вот. А её не какой-то там Дарвин написал. Сам бог диктовал. Разве можно не верить богу?

– Но ведь и у Дарвина целая система выстроена. Всё одно к одному.

– И что? – хмыкнул Коржаков. – Я тебе таких систем навывдумываю! Хотя их и так в мире полно: ислам, буддизм, язычества всякие. Чёрт ногу сломит! И всё мимо цели. Ты же веруешь в бога, в Христа?

– Конечно.

– Ну вот. Чего ж тебе ещё надо-то?! «Люби господу своего, как самого себя», помнишь? Любишь – значит, и верить должен безоговорочно. Так?

– Так.

– Вот и весь сказ. Что там ещё Нелюбов тебе наплёл?

– Ну, во-первых, что Дарвин не отрекался от теории перед смертью.

– Это с чего он взял?!

– Так утверждала дочь Дарвина.

– Ха! Такая же атеистка! А ты поверил? Знаешь же – нельзя верить атеистам. Они соврут и глазом не моргнут. Это же кривые души, совершенно безнравственные люди.

– Не думаю, чтобы Нелюбов был таким уж безнравственным, – покачал головой Васильев.

– О-ой! – скривил губы Коржаков. – Ты его давно знаешь-то? Без году неделю! Он же окучивает тебя, неужели не понятно? Переманивает в свою секту. А ты уже и готов, нашёл профессор дурака!

– Похоже, – согласился Савва. – Он мне ещё обещал на следующей неделе принести книги по эволюционной генетике.

– Генетике? Это клеточки-белочки? Ну-ну. Забивай себе голову мурой. Смотри только не увлекайся слишком, – Андрей легонько толкнул друга кулаком в плечо, – а то потом доставать тебя оттуда не буду.

– О чём речь, Андрюх! У меня пока голова на плечах имеется.

– Знаешь что, в воскресенье с тобой на литургию пойдём: помолимся, причастимся. Изгонишь из себя мысли атеистические.

– Давай. А то уже неделю в церкви не был.

Друзья ненадолго замолчали.

– Профессору твоему ещё повезло, что он уже давно профессор, – глядя в окно, заметил Андрей. – Вот двоюродный брат одноклассника моего, Лёхи Попова, стал атеистом в университете, а теперь работает рядовым инженером. И никогда ему не стать даже руководителем группы. Подумай над этим на досуге.

– Я уже об этом думаю.

Октябрь 2042 года. Россия, Воронеж

Осень сорок второго года была необычайно промозгла и холодна. Пробирающий до костей ветер и постоянная морось отбивали всякое желание выходить лишний раз из дома без крайней необходимости. В один из таких вечеров Савве позвонил Андрей и пригласил его посетить одно занимательное местечко. Едва Савва успел одеться, как в дверь позвонили.

– Здравствуйте, Леонид Владимирович, – поздоровался Андрей с открывшим дверь старшим Васильевым. – Я за Саввой. У нас на сегодняшний вечер запланирована культурная программа.

– Заходи, – пригласил хозяин.

– Я уже готов, – откликнулся Савва и появился за спиной отца, натягивая куртку. – Пошли.

– До свидания, Леонид Владимирович.

– Я позвоню, – бросил на выходе Савва.

– Ну, и куда мы направляемся? – поинтересовался Васильев, когда друзья вышли из подъезда.

– Ты слышал о клубе «Кресты»?

– Ничего определённого.

– Это на Миронова, недалеко от окружной. Там собираются Православные дружинники. Местные, в основном. Пока ты свои писульки атеистические изучал, я познакомился с одним парнем, дружинником. Он меня пригласил, а я решил и тебя захватить. Хоть отвлечёшься немного.

Клуб «Кресты» располагался в подвале жилого дома под магазином церковной утвари. Над лестницей висела яркая мигающая время от времени вывеска, где вместо буквы «т» был изображён православный крест. Спустившись вниз, Савва и Андрей оказались в большом слабо освещённом зале, уставленном деревянными столами с лавками. Колонны и стены были расписаны замысловатыми орнаментами, использующими крест, как центральный элемент. В глубине зала виднелась барная стойка, над которой красным светилась надпись «За Русь православную!» Звучала музыка. Сквозь тяжёлые гитарные риффы пробивался хриплый бас, поющий что-то о храме господнем на Земле. Людей было не много – человек двадцать. Большинство в чёрном. У многих на рукавах красные повязки с белым православным крестом – знак дружинника. Следуя за Андреем к стойке бара, Савва прошёл мимо приоткрытой двери в соседнюю комнату. Через щель он успел заметить иконы и горящие свечи – часовня.

Бармен, плотный паренёк лет тридцати с рыжей щетиной на лице, поинтересовался, что налить гостям.

– Пива, – ответил Андрей за двоих. – Нашего «Воронежского».

– Отличный выбор, – улыбнулся бармен, доставая кружки.

– Скажите, – обратился к нему Коржаков, – Пётр сегодня придёт?

– Он здесь, в часовне. Посидите, выпейте – он скоро к вам присоединится.

Друзья взяли кружки и опустились на лавку за ближайший стол. Когда пиво было уже почти допито, подошёл высокий коротко стриженный дружинник с бородой канадкой:

– Приветствую! – Пётр протянул руку. – Решил всё-таки прийти? И товарища привёл. Молодец!

Он сел напротив, заказал себе пива и спросил:

– Ну, как учёба идёт, перваки? Биолухи вам ещё голову не заморочили своими идеями?

– Есть немного, – ответил Андрей. – Вот моему другу Савве уже один профессор книжек надавал гору. Теперь читает.

- В самом деле? – поднял брови Пётр. – Тебе зачем?
- Да так, – отмахнулся Савва. – Для общего развития.
- Не в ту сторону развиваешься. Смотри, не увлекайся больно.
- Вот и я ем о том же, – поддакнул Андрей.
- Лучше жития почитай. Или вот – я тебе книжку нашу дам. Разберёшься, за что и против чего мы боремся, какие идеи несём в массы. Будете уходить – напомниме.
- А ты, стало быть, дружинник? – поддержал тему Савва.
- Да, уже три года, – гордо ответил Пётр. – Надо же кому-то стоять на страже моральных устоев общества, если полиция не справляется. Мы делаем мир чище и светлее!

Тут дверь клуба распахнулась, и в зал ввалился объёмный бородач чуть за сорок в джинсовом костюме и с увесистым золотым крестом на шее. Компания за крайним столиком зашумела, к толстяку приветственно потянулись руки. Перекинувшись парой слов с приятелями, джинсовый бородач окинул взглядом зал, прищурился в сторону Саввы с Андреем и направился к их столу.

– Лёха! – крикнул он по пути. – Что за бурда у тебя играет?! Давай что-нибудь старенькое! «Морену» поставь или «Екклесиаста».

Бармен поспешил выполнить просьбу, а толстяк тем временем остановился рядом со вскочившим для приветствия Петром.

– Здорово, Петя, – с улыбкой похлопал его бородач по плечу. – Что, новичков вербуешь? Меня зовут Назар.

- Лидер нашего отделения дружины, – вставил Пётр.
- Гости представились, Назар сел за стол и спросил:
- Откуда вы, ребята, чем занимаетесь?
- На первом курсе биофака учимся, – ответил Савва. – В ЦЕФУ.
- О-о. В самом логове врага окопались? Умно. И много у вас дарвинистов?
- На нашем курсе один всего.
- Повезло – мозги пудрить будут меньше. – Назар поднял руку: – Лёша, четыре пива и отбивных с картошечкой. Я угощаю, – объяснил он гостям. – И без разговоров.
- Я тут рассказывал ребятам о роли нашей организации в жизни общества, – начал Пётр. – Предлагал им литературу...

– А они хотят вступить в дружину?

– Ну, мы думаем пока, – уклончиво ответил Андрей.

– Думайте, – наклонился к столу Назар. – Хорошо думайте. Сейчас такое время... Скоро понадобятся все силы. Каждый человек будет на счету. Недолго осталось нечисти по городу шататься. И наше дело – этот процесс ускорить. Только когда адепты других религий перестанут выносить свою веру из храмов, когда на улицах не останется содомитов всех мастей, а все православные девушки будут считать рождение детей смыслом своей жизни, только тогда мы будем спокойны за будущее России.

- А что вы думаете с ними со всеми делать? – поинтересовался Савва.
- С верующими других конфессий договориться проще всего. А вот с остальными придётся решать дела грубой силой. Иначе ведь они не понимают! Геи, например, всякие, лесбиянки – этих уже не изменишь. Лично я бы таких элементарно ликвидировал. Но, скорее всего, их просто лишат гражданства и выпрут из страны без права въезда. Атеистам можно предложить отречься от эволюционизма и принять Христа. Либо тоже – вон из России. Не все они безнадежны, надо признать. А всяких чайлдфри посадить на годик-другой: пусть подумают. Освободятся – сразу рожать кинутся.
- Законов пока таких нет, – заметил Андрей.

– Пока. Наша партия «Православная Россия» недаром тридцать шесть процентов составляет в Думе: ребята работают. Нужные законы пишутся, будьте спокойны. Скоро мы всех этих гавриков под уголовку подведём. И содомитов, и атеистов, и детоненавистников. Вот так!

Назар легонько стукнул кулаком по столу и откинулся на спинку лавки. Принесли ужин.

Домой Савва вернулся поздно. Голова трещала от выпитого пива и проповедей Назара. Сил хватило только, чтобы, умывшись, доползти до кровати. Рано вставать не было необходимости: завтра суббота, и занятий в университете не планировалось.

Наутро Савва встал, когда время уже приближалось к обеду. Родители давно позавтракали, потому Васильев ел в одиночестве и одновременно с пищей «переваривал» вчерашние разговоры. Убеждать Назар умел, спору нет. Но не слишком ли всё это круто? Одних в тюрьму, других за границу? Дискриминация кого-либо в человеческой истории пока ни к чему хорошему не приводила. Да и дело ли христианина дубиной вбивать веру в головы окружающих? Или дубинкой? Как у дружинников. Разве Христос этого хотел? «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное... Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю... Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут... Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». Вот истина, вот руководство к действию. Не так, как сейчас, жить нужно, не так. «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». Об этом-то православные и забыли. Не кулаком в морду, не дубинкой по почкам, не штрафы и тюрьмы должны быть мерами воздействия на общество. Только слово божье, кротость и стремление к миру. Только стойкостью в часы гонений можно проложить путь вере в народные умы. Только на своём примере надо показывать, насколько вера в господу крепка и нерушима. Лишь когда люди увидят, что христианство – не безудержная агрессия, не дубина с наручниками, а миролюбие, праведность и доброта, тогда не станут отворачиваться от веры, она перестанет вызывать неприятие и ненависть. Ведь это ж всё от злобы происходит. От того, что видят люди, какими средствами пользуется церковь. Неужели патриарху и приближённым его трудно понять такую простую истину?! Всё же написано: бери Евангелия и читай! Всё перед тобой. Но они выбрали путь лёгкий. Путь древней католической инквизиции. А что такое дружинники, если не инквизиция? Она самая.

А Андрей-то как увлёкся! Прямо таки видит себя в чёрной униформе с красной повязкой на руке. А главное, с дубинкой на поясе. «Пора научить вырождков уму разуму!» – напутствовал вчера Назар. Но если подумать, все ли они – вырождки? По поводу содомитов трудно спорить: как их перевоспитывать – не понятно. Это уже окончательно отданные сатане души. А атеисты? Чем они хуже тех же мусульман? Или индусов? Верят в свою эволюцию, и пускай верят. Ведь если научные факты были бы верными, неужели остальные люди не признали бы этого? Значит, что-то в теории не так. Значит, есть какие-то ошибки, и стоит лишь указать на них – и атеисты могут засомневаться. А такого рода сомнения есть путь к богу. И никакого применения силы! Стоит только найти эти ошибки и указать.

– Савва...

Отец стоял в двери комнаты и нерешительно почёсывал затылок:

– Я тут увидел книги у тебя на столе... Может, объяснишь сей странный факт?

Савва отложил в сторону увесистый томик и повернулся к отцу:

– Эти книги мне дали в университете. А что не так?

– Ладно, если бы это были одна-две с общей информацией. Но тут их четыре, как я вижу.

Причём, парочка – узкоспециальные. Дело в чём... Мама тоже увидела и очень разволновалась. Ты, надеюсь, понимаешь, почему? Пришлось её успокоить, сказать, что ты пишешь реферат по биологии.

– Так и есть, – ответил Савва. – В некотором роде.

– В некотором роде, – повторил Леонид Владимирович и вздохнул. – Что ж... Будем так считать и далее. Только, прошу тебя, убирай книги в стол, когда уходишь.

– Хорошо, папа.

– И не забывай, кем я работаю, и какие последствия может повлечь твой... «реферат» в определённых обстоятельствах.

– Я понимаю.

Леонид Владимирович уже собрался выйти, но на секунду задержался:

– Савва, как ты смотришь на то, чтобы нам завтра втроём на утреннюю службу сходить?

– Я не против.

– Вот и славно, – улыбнулся отец.

Ноябрь 2042 года. Россия, Воронеж

Чем больше книг читал Савва, тем меньше у него оставалось надежды найти те несоответствия в теории эволюции, которые позволили бы признать её ошибочность. Он понял, что теория Дарвина – лишь основа, на которой построена современная синтетическая теория эволюции, объединяющая в себе данные различных наук, и прежде всего, генетики, палеонтологии, молекулярной биологии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.